

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А. С. ЛИБЕРМАН

ПОРОЖДАЮЩАЯ ФОНОЛОГИЯ: ПРЕТЕНЗИИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Порождающая фонология создавалась усилиями М. Халле, Н. Хомского и их сторонников. В 1959 г. вышла книга Халле «Звуковая модель русского языка», в 1962 и 1964 гг. его же статьи «Об основах фонологии» и «Фонология в порождающей грамматике»¹. В 1962 г. Хомский проанализировал основные принципы построения фонологической теории². В 1968 г. одновременно увидели свет три важные книги: «Аспекты фонологической теории» П. М. Постала, учебник по порождающей фонологии Р. Т. Хармса (типа «Введения в языкознание» для первокурсников) и, самое главное, «Звуковая модель английского языка» Хомского и Халле³. На протяжении десяти лет (с 1959 г. по 1968 г.) Хомский в многочисленных работах по общему языкознанию, грамматике, универсалиям, теории информации и психолингвистике затрагивал все основные вопросы фонологии, а огромное количество учеников и последователей Хомского и Халле написали за это время буквально сотни статей по вопросам порождающей фонологии⁴. Ряд тезисов нового учения послужил предметом ожесточенной полемики, причем споры нередко велись и внутри порождающей фонологии. Хомский и Халле прочли лекции во многих американских университетах по основам своей теории и по применению ее к английскому материалу. Возникли центры порождающей фонологии и за пределами США: например, в ГДР и Скандинавии⁵. И все же до опубликования «Звуковой модели английского языка» практика порождающей фонологии была сравнительно мало известна европейским ученым. Теперь же мы располагаем книгой, которая является важнейшей вехой в развитии новой теории. Впервые на огромном материале показано применение фонологических принципов Хомского и Халле, и, хотя сами авторы отнюдь

¹ M. H a l l e, The sound pattern of Russian, The Hague, 1959, е г о ж е, Phonology in a generative grammar, «Word», 18, 1962; е г о ж е, On the bases of phonology, в кн.: J. A. F o d o r, J. J. K a t z, The structure of language. Readings in the philosophy of language, New York, 1964 (в этой же антологии перепечатана и предыдущая статья М. Халле).

² N. S h o m s k y, The logical basis of linguistic theory, «Proceedings of the IX International congress of linguists», The Hague, 1964 (по-русски в кн.: «Новое в лингвистике», IV, М., 1965).

³ P. M. P o s t a l, Aspects of phonological theory, New York, 1968; R. T. H a r m s, Introduction to phonological theory, New York, 1968; N. S h o m s k y, M. H a l l e, The sound pattern of English, New York, 1968 (далее в тексте — SPE).

⁴ Некоторое представление о размахе этой работы можно получить из библиографии в журнале «Langages», 8, 1967, стр. 124—131 и из справочного аппарата к книгам Посталя и особенно Хармса (см. выше); ср. также обзор новейшей литературы: J. M e y, Norwegian generative grammar. Some antilegomena, NTS, XXIV, 1971.

⁵ См. работы М. Бирвиша и его учеников. Особенно существен сборник «Studia grammatica», 6 (Berlin, 1967). Относительно усилий скандинавских лингвистов см., например: J. M e y, указ. соч.

не считают свою работу законченной⁶, «Звуковая модель английского языка», несомненно, займет такое же место в истории порождающей фонологии, какое заняла итоговая книга Трубецкого в истории фонологии европейской. Ниже я ограничу свои ссылки почти исключительно этим сочинением.

Надо заметить, что порождающая фонология имеет и сторонников, и противников. Например, книга Постала написана как апология (причем чрезвычайно агрессивная апология) идей Хомского и Халле. Учебник Хармса составлен таким образом, будто никакой другой фонологии, кроме порождающей, не существует. Но рядом с одобрительными и даже восторженными рецензиями⁷ мы находим дружелюбно критические⁸ (в том числе и из лагеря трансформационалистов⁹), а также остро критические¹⁰ и даже совершенно уничтожающие¹¹. Необходимо внимательно рассмотреть методы и оценить результаты Хомского и Халле; подобный анализ будет тем более своевременен, что в нашей литературе о порождающей фонологии не написано почти ничего¹².

Следует с самого начала иметь в виду, что порождающая фонология — это лишь одна из частей трансформационной лингвистики: ее окрыляют те же идеи, что и синтаксис Хомского. Поэтому бесполезно прежде всего суммировать исходные положения хомскианской грамматики в том виде, как они предстают перед нами со страниц «Синтаксических структур» и «Аспектов синтаксической теории»¹³. В противном случае может оказаться затупеванным полный изоморфизм между порождающим синтаксисом и порождающей фонологией.

В самом общем виде кредо трансформационной грамматики таково. (1) Лингвистика не должна быть аналитической наукой, состоящей из рецептов типа: «разбей предложение таким-то образом» или «найди позиция контраста — и получишь искомое» (как хорошо известно, именно эта сторона — главное в дескриптивистике и для Л. Блумфилда, и для З. Харриса). Основное в языке — его творческая сторона, способность производить новое по правилам (отсюда интерес к В. Гумбольдту). Поэтому лингвистическое описание должно показывать порождение все новых образцов из исходного материала. Язык уподобляется кибернетическому устройству, о котором надо знать, что подается на вход, как это устройство работает и наконец, что получается на выходе. (2) Мера истинности в грамматике — простота описания (чем меньше символов и чем меньше шагов-

⁶ Уже после книги о звуковой модели английского языка вышла монография: M. Halle, S. J. Keyser, *English stress. Its growth and its role in verse*, New York, 1971, где многие выводы первой книги доработаны или даже видоизменены. Ср. также недавно вышедшую хрестоматию: N. Chomsky, *Selected readings*, ed. by J. P. V. Allen, P. van Buren, London — New York — Toronto, 1971, стр. 69—100.

⁷ Ср.: R. Hurford, *The state of phonology*, «Linguistics», 71, 1971.

⁸ Ср.: P. Ladefoged, *The limits of phonology*, в кн.: «Form and substance. Phonetic and linguistic papers presented to E. Fisher-Jørgensen», Odense, 1971.

⁹ Например: G. Sampson, *On the need for a phonological base*, «Language», 46, 3, 1970 (с очень хорошей библиографией); в какой-то мере сюда же можно причислить рецензию Чейфа (W. L. Chafe) на книгу Постала («Language», 46, 1, 1970).

¹⁰ Ср. статью К. Кольера (K. J. Kohler) в журн. «Lingua», 26, 1970.

¹¹ G. Hammarström, *The problem of nonsense linguistics*, Uppsala, 1971. Крайне отрицательный отзыв о порождающей фонологии дает и Хоккет: см. Ch. F. Hoocket, *The state of the art*, The Hague — Paris, 1968.

¹² Ср.: S. K. Sujan, *Phonology and generative grammar*, в кн.: «Phonologie der Gegenwart», Graz — Wien — Köln, 1967; см. его статью и в кн.: «To Honor Roman Jakobson», 3, The Hague, 1967; С. В. Кодзасов, *Фонологическая часть порождающей грамматики и восприятие речи*, «Уч. зап. Тартуск. ун-та», 232, 1969; В. Б. Касевич, [рец. на кн.:] P. M. Postal, *Aspects of phonological theory*, ВЯ, 1972, 1.

¹³ Ср. обзор теории Хомского в кн.: Ch. F. Hoocket, указ. соч., стр. 38—43; J. Lyons, *Noam Chomsky*, New York, 1970.

порождения, тем проще грамматика и тем она оптимальней) и верность интуиции, никак точно не определенной. (3) Трансформационная грамматика есть истинная модель речевого поведения. Механизм трансформации прирожден человеку (отсюда интерес к картезианству), а исходных моделей так немного, что на уровне глубинных структур языка поражают не разнообразием, а сходством; поэтому лингвистика нуждается в универсальной грамматике.

Мы опустили некоторые моменты, которые существенны для Хомского, но либо непосредственно следуют из сказанного, либо не являются наиболее общими тезисами его теории. Так, например, поскольку лингвистическое описание оказывается описанием кибернетического устройства, то язык такой грамматики, по необходимости, предельно формализован (трансформационная алгебра превратилась в специальную науку со своими сугубо алгебраическими задачами, а так называемый формализм стал стеной, отгораживающей хомскианцев от «непосвященных») и т. п. Однако и сказанного достаточно, чтобы перейти к рассмотрению теории и практики порождающей фонологии.

Основная цель фонологического анализа состоит, очевидно, в том, чтобы выяснить, как устроен звуковой механизм языка, на какие минимальные единицы распадается речевая цепь, как они функционируют (т. е. как оговариваются и как различаются, по каким правилам сочетаются друг с другом и как образуются в процессе говорения). Проникновение в глубь этого механизма позволит нам сконструировать действующую модель языка, которая будет производить звуковой поток тем же способом и с теми же результатами, что и говорящий индивид.

В соответствии с общей концепцией Хомского, о которой шла речь выше, фонологическая модель состоит из трех частей: исходных элементов («системных фонем» — уровень «системной фонологии»), правил их переработки и, наконец, материала на выходе (непосредственная звуковая реальность, отраженная в узкой транскрипции — уровень «системной фонетики»). На вход фонологического устройства поступают, по Хомскому и Халле, поверхностные синтаксические структуры, которые удобнее всего зашифровать при помощи отмеченных скобок (*labelled bracketing*), например *torment* «мучить»: [_{гл.} *torment*]_{гл.} Индекс глагола стоит внутри скобок слева и показывает, что данная часть речи начинается именно здесь; тот же индекс повторяется после скобок справа в знак того, что указанный глагол дальше не продолжается. Чем сложнее деривация слова, тем сложнее и отмеченные скобки: ср. *blackboard* «классная доска»: [_{сущ.} # # [_{прил.} # *black* #] [_{прил.} # [_{сущ.} # *board* #] #] [_{сущ.} #] [_{сущ.} #] (# обозначает начало и конец морфемы и структуры в целом). Количество скобок отражает глубину производности также и в том случае, когда словообразование осуществляется без словосложения и аффиксации. Например, Хомский и Халле считают существительное типа *torment* «мука» производным от глагола *torment* «мучить», поэтому оно представлено ими так: [_{сущ.} [_{гл.} *torment*]_{гл.}]_{сущ.} Аналогичным образом можно записать не только отдельное слово, но и сочетание слов: ср. *black board* «черная доска» (в отличие от *blackboard*): [_{субст. гр.} # [_{прил.} # *black* #] [_{прил.} # [_{сущ.} # *board* #] #] [_{сущ.} #] [_{субст. гр.} #] Легко видеть, что в записи структур *blackboard* и *black board* все совпадает, кроме самых последних индексов: в одном случае перед нами существительное, в другом — субстантивная группа. Запись в отмеченных скобках называется исходной формой (*underlying form*); правила, превращающие обычную словарную форму в «исходную», — правилами приспособления (*readjustment rules*).

Как сказано, исходные формы поступают на вход фонологического устройства и перерабатываются им. Однако, по Хомскому и Халле, таких

устройств фактически два: первое (просодическое) расставляет в английских словах ударение, второе выдает узкую транскрипцию. Просодическое устройство разобрано ими особенно подробно, и значительная часть книги «Sound pattern of English» посвящена именно ударению.

Наиболее элементарные правила можно рассмотреть на примере слова *blackboard* и субстантивной группы *black board*. Фонолог имеет запись обеих структур в отмеченных скобках. Кроме того, он точно знает, что именно он хочет получить на выходе. Мы на время отложим обсуждение того, откуда он это знает и почему его знание столь определено. Чтобы упростить задачу, примем предложенную гипотезу и согласимся, что акцентный контур слова *blackboard* — это 13 (один три): на первом слоге самое сильное ударение, на втором — третья ступень ударности. Всего Хомский и Халле, вслед за американскими фонетистами, признают пять таких ступеней, причем пятая означает безударность. Согласимся и с тем, что группа *black board* имеет рисунок 21 (два один): максимально сильное ударение на *board* и вторая ступень на *black*. Чтобы получить желаемые формы $\overset{1}{b}l\overset{3}{a}c\overset{2}{k}\overset{1}{b}o\overset{1}{a}r\overset{1}{d}$ и $\overset{1}{b}l\overset{2}{a}c\overset{1}{k}\overset{1}{b}o\overset{1}{a}r\overset{1}{d}$, Хомский и Халле предлагают ряд правил и оговаривают общий принцип. Просодическое устройство, через которое будут пропущены все слова, начинает работать с внутренних скобок; после того, как элементам в самих внутренних скобках будет приписано некоторое ударение, эти скобки стираются и процедура повторяется со следующими скобками. Внешние скобки стираются в последнюю очередь. Все эти операции в сумме образуют так называемый трансформационный цикл.

Правила, придуманные для расстановки ударений в *blackboard* и *black board*, должны быть, по заданию, как можно более общими, ибо частные правила, которые придумать очень просто, не имеют никакой ценности. Ср., например «правило»: припиши первой части слова *blackboard* первую ступень ударности, а второй части — третью ступень. Таким способом мы, конечно, получим желаемый результат, но не обнаружим никакого обобщения, т. е. фактически правила не сформулируем, ибо всякое правило — это и есть обобщение.

Процедуры Хомского и Халле таковы (SPE, 16—21). (1). Припиши гласным односложных слов первую ступень ударения. Применив эту процедуру к слову *blackboard* и приписав главное ударение односложным элементам во внутренних скобках, мы получим структуру [сущ. # [прил. # $\overset{1}{b}l\overset{1}{a}c\overset{1}{k}\overset{1}{b}o\overset{1}{a}r\overset{1}{d}$ #]прил. [сущ. # $\overset{1}{b}o\overset{1}{a}r\overset{1}{d}$ #]сущ. #]сущ. и сможем стереть внутренние скобки: [сущ. # # $\overset{1}{b}l\overset{1}{a}c\overset{1}{k}\overset{1}{b}o\overset{1}{a}r\overset{1}{d}$ # #]сущ. (2). Припиши в сложном существительном главное ударение первой части. Это правило выглядит странно, так как первая часть слова *blackboard* уже имеет главное ударение. Однако его смысл становится ясным, как только мы доходим до правила (3): ослабь все ударения, кроме первого, на одно. Если мы еще раз припишем главное ударение элементу *black*, уже получившему его на предшествующем шаге, то сможем — в соответствии с правилом (3) — ослабить единицу на *board* до двойки и получить контур $\overset{1}{b}l\overset{1}{a}c\overset{2}{k}\overset{1}{b}o\overset{1}{a}r\overset{1}{d}$ [применив правило (2), мы стерли оставшиеся скобки; правило (3) имеет универсальный характер и на наличие скобок не влияет]. Однако $\overset{1}{b}l\overset{1}{a}c\overset{2}{k}\overset{1}{b}o\overset{1}{a}r\overset{1}{d}$ — это еще не то, что нам нужно, и мы вновь применим предыдущее правило: (4) в пределах слова в контексте $\overset{1}{V}\overset{2}{V}$ (V — любой гласный): еще раз припиши главное ударение главноударному слогу. Благодаря этому последнему шагу, мы получаем, наконец, искомый контур $\overset{1}{b}l\overset{1}{a}c\overset{2}{k}\overset{1}{b}o\overset{1}{a}r\overset{1}{d}$. Ана-

логично обрабатываются словосочетания (типа *black board*, у которого контур 21) и многие другие слова.

Примера с *blackboard* в какой-то мере достаточно, чтобы высказать предварительные соображения о предложенном методе. Как мы видели, все правила были сочинены специально для того, чтобы получить заранее известный результат. Пользуясь процедурами Хомского и Халле, мы не узнаем ничего нового об английском ударении — напротив, «подгонка под ответ» и составляет хорошо осознанный смысл всей задачи. Решение оказалось возможным потому, что акцентный контур английского слова частично зависит от его синтаксической принадлежности: глаголы акцентированы не так, как существительные, сложные слова — не так, как словосочетания, и т. п.

Первые сложности с программой начинаются тогда, когда мы задаем себе вопрос, в какой мере модель Хомского и Халле не просто получает те же результаты, что и человек, но и воспроизводит процесс речевой деятельности человека. Как известно, модель, способная совершать те же действия, что и объект, послуживший ей прообразом, может быть устроена по-иному, чем этот объект: самолет в чем-то повторяет птицу, но по нему нельзя изучить строение птицы; музыкальный инструмент может воспроизвести звук журчащего ручья, но в ручье нет струн, как на арфе. Хомский и Халле утверждают, что они построили модель реальной речевой деятельности. Более того, по их мнению, трансформационный цикл должен быть врожден человеку; он принадлежит универсальной грамматике, и только способ его применения (т. е. конкретные правила, различные в различных языках) усваивается в детстве (SPE, стр. 43, 44).

Однако нет способов убедиться в прирожденности цикла. Что же касается его роли, то лишь эксперимент мог бы доказать, что он существует и даже определяет функционирование просодической структуры английского слова. Подобный эксперимент не проводился, не ясно, как его проводить, и а priori невозможно себе представить, чтобы говорящий совершал столь странные и неестественные операции, как многократные приписывания главного ударения слогу, уже имеющему его. На некоторых словах трансформационный цикл даже отменяет полезный результат. Например, в существительном *orthodoxy* «ортодоксия» гласный слога *or* имеет сильное ударение на втором повороте цикла, вторичное ударение — на третьем и снова главное на четвертом; смена контура на слове в целом [сущ. {прил. *ortho* {корень *dox*}_{корень} прил. *y*}_{сущ.} выглядит так: 12, 21, 12 (SPE, стр. 133). Столь же сложно и невероятно, с точки зрения реальной речевой деятельности, порождение ряда других слов.

Хомский и Халле пытаются доказать реальность цикла условиями редукции. Они отмечают, что если какой-то гласный имел главное ударение хотя бы на одном повороте цикла, то он навсегда защищен от редукции. Например, при наличии омографов типа *torment* (гл.) ~ *torment* (сущ.) им удобно всегда производить существительные от глаголов. Как говорилось, существительное *torment* имеет, по Хомскому и Халле, поверхностную структуру [сущ. {гл. *torment*}_{гл.}]_{сущ.} Вначале, по предварительно описанному правилу, во внутренних скобках ставится главное ударение на последний слог. Если бы перед нами был глагол *torment*, порождение его акцента на этом бы и закончилось, но у существительного структура сложнее и надо стереть еще одни скобки. В результате второго применения цикла (также по заранее описанному правилу), главное ударение переносится на начальный слог. Но гласный /e/ все равно не редуцируется, так как хранит следы своего происхождения: ср. [ˈtɔːment]. Существительное же *torrent* «поток» не произведено ни от какого глагола и соответственно произносится [ˈtɒrənt]. Аналогично в *condensation* «конденсация»

(от *condense*) гласный второго слога передупцирован, а в *compensation* «компенсация» — редуцирован до нейтрального (SPE, стр. 37—39).

Однако убедительность и, главное, обобщающая сила приведенных примеров только кажущаяся. Пары *torment* (сущ.) ~ *torrent*, *condensation* ~ *compensation* несомненно свидетельствуют о том, что степень ослабления гласных связана с типом деривации. Но, во-первых, наличие главного ударения на какой-нибудь стадии цикла, даже в самых простых случаях, — довольно ненадежная защита от редукции: так, существительные *torment* и *condensation* имеют варианты с [ə] (по словарю Д. Джоунза), а слово *hurricane* «ураган», которое на исходном этапе порождения было акцентуировано на третьем слоге (SPE, стр. 78), в Англии обычно произносится [ˈhʌrɪkən] (ˈhʌrɪkeɪn) — менее распространенный вариант). Во-вторых, деривация слов по Хомскому и Халле лишь случайно может совпасть с реальной. Как хорошо известно, существительные не всегда происходили по конверсии от глаголов, поэтому и в современном языке подобная связь часто отсутствует; она просто придумана Хомским и Халле, чтобы оправдать расстановку ударений. Неудивительно поэтому, что вторые члены многих пар того же типа, что *torment* (гл.) ~ *torment* (сущ.), не имеют аналогичной ступени редукции. Например, в конечных слогах существительных *present* «подарок», *rebel* «бунтовщик» не только нет гласного [e] (ср. глаголы *present* [priˈzɛnt], *rebel* [riˈbɛl]), но даже и редуцированный звук обычно не сохраняется: [ˈprez(ə)nt], [ˈreb(ə)l]. В-третьих, можно обнаружить глаголы и существительные с одинаковым ударением (ср. *segment*, *revel*, *equal*; в книге приведены *comment* и *triumph*). Чтобы истолковать эти случаи, Хомский и Халле искусственно добавляют к слову *comment* еще одни внутренние скобки, и тогда им удается расставить правильные ударения (SPE, стр. 140—141). Синтаксическая структура оказывается довольно условной характеристикой этих слов, ибо ради ударения приходится сочинять скобки, которых нет в действительности (ср. также рассуждение о сложных глаголах: SPE, стр. 94—95). И наконец, правила редукции впоследствии несколько видоизменяются, чтобы оправдать качество безударного гласного в словах типа *explanation* (SPE, стр. 121—122; ср. еще деривацию слова *felonious*: SPE, стр. 225).

Если перед нами устройство, единственная цель которого — воспроизвести некоторые результаты человеческой деятельности, то мы, в принципе, готовы согласиться на любую конструкцию. Мы лишь отметим, что это устройство сложно, громоздко и в одних случаях (типа *comment*) непредсказуемо, а в других — работает с переборами (ср. редукцию в существительных *torment* и *present*). Невероятна лишь гипотеза, будто изобретенное устройство моделирует не только результаты, но и процесс речевой деятельности человека, гипотеза, будто говорящий не просто воспроизводит *comment* с определенным ударением, а искусственно усложняет его деривацию, чтобы добиться желаемого результата.

Однако несравненно большие трудности ожидают Хомского и Халле в тех случаях, когда синтаксическая структура слова вообще не дает ключа к распределению акцентов. Например, и *yellow* «желтый», и *ser'ene* «спокойный» — двусложные прилагательные, но ударения в них падают на разные слоги. Чтобы обобщить эту ситуацию и подвести ее под какое-то правило, Хомский и Халле вынуждены с самого начала допустить деление гласных на напряженные и ненапряженные (т. е. долгие и краткие); только слова с напряженным конечным гласным получают ударение на нем (ср. *profane* «богохульный», *police* «полиция», *bazaar* «базар» и т. п.). Впоследствии это правило расширяется. Вводятся понятия легкой и тяжелой группы, совпадающие с известными из исторической грамматики понятиями «краткий слог» и «долгий слог». Легкая группа состоит из ненапряженного

гласного, за которым может следовать не более одного согласного, тяжелая группа содержит напряженный гласный, за которым может следовать любое количество согласных, или ненапряженный гласный плюс два или более согласных. Легкость ~ тяжесть конечной группы оказываются важнейшим фактором при определении места словесного акцента.

С теоретической точки зрения, все, что связано в просодике Хомского и Халле с напряженными и ненапряженными гласными, весьма уязвимо. Мы не станем обсуждать, правомерно ли приписывать различие между англ. *beat* ~ *bit* и т. п. отдельным гласным (так же, как не обсуждали выше, правомерно ли приписывать ударение гласным, а не слогам). Для нас гораздо больший интерес представляет критика порождающей фонологии изнутри. Необходимо понять, в какой мере Хомский и Халле верны собственным лозунгам; оценка их положений глазами какой-нибудь иной фонологической школы (например, пражской, которая не признает кратких и долгих гласных в современных западногерманских языках, а доказывает наличие в них корреляции слогового контакта) — дело сравнительно несложное и на данном этапе не самое важное.

До сих пор на вход порождающего устройства подавались поверхностные синтаксические структуры; теперь впервые в исходные формы закладывается фонологическая информация. Возникает вопрос, каким образом удалось получить классификацию английских гласных по напряженности и даже разбить их на пары. Ответ мы получаем лишь в конце книги, поэтому и мы остановимся на нем ниже, а сейчас рассмотрим слова, в которых акценты распределены не так, как предсказывает распределение тяжелых и легких слогов.

В том американском варианте английского языка, который взят за основу Хомским и Халле, конечные гласные, если они не редуцированы до [ə], всегда долгие (напряженные): ср. *Hindu* «хинду» *country* «страна», а также *fiasco* «фиаско» (с дифтонгом). Однако ударение в них не падает на конечный слог. Чтобы объяснить это отклонение («кажущееся отклонение», как говорят в таких случаях Хомский и Халле), приходится признать, что в своих исходных формах слова *Hindu* и *country* содержат краткие (ненапряженные) гласные: *Hindu*, например, записано как /hɪndu/. Именно к таким формам с краткими концами применяется трансформационный цикл. После того как ударение в них поставлено на первый слог, срабатывает правило, удлиняющее конечный гласный, и [ˈhɪndu] превращается в [ˈhɪnduː]. Здесь мы наблюдаем основные методологические принципы порождающей фонологии: 1) исходная форма есть некий вид условной (не обязательно фонеморфологической) транскрипции, 2) эта транскрипция может как угодно сильно отличаться от той реальной транскрипции, которую мы стремимся получить, но каждое отличие приходится впоследствии компенсировать специальным правилом (так, на конце слова *Hindu* фактически стоит долгий гласный, но в исходной форме он был представлен как краткий, поэтому на заключительном этапе работы понадобилось правило, удлиняющее нами же сокращенный гласный), 3) порождение акцентного контура есть, по крайней мере частично, и порождение его фонематического состава, 4) фонологические действия должны быть строго упорядочены — нельзя сразу же поставить ударение в [hɪnduː] : надо сначала записать его в виде [hɪndu] (предварительное действие), затем найти место ударения (оно окажется на первом слоге) и лишь тогда удлинить [u]. Хомский и Халле не поясняют, как обнаружили краткие корреляты фонем /i: u:/, и создается впечатление (которое впоследствии полностью подтверждается), что эти корреляты подсказаны орфографией.

Рассмотрим теперь порождение слова *fiasco*. Оно тоже должно быть представлено в исходной форме с каким-то кратким гласным в конце.

Чтобы определить этот гласный, Хомский и Халле прибегают к целой серии фонологических рассуждений. Прежде всего они замечают, что в их произношении обнаруживается система из шести кратких гласных:

i	u	неоткрытые
e	o	открытые (SPE, стр. 74)
ε	ε	

Как выделены именно эти гласные (что такое /o/? почему нет /a/?), до поры до времени не говорится, и лишь потом становится ясно, что речь идет не о реальных фонемах, а о тех, которые нужны для записи исходных форм. Открытые гласные, как сообщают Хомский и Халле, невозможны в безударных концах; зато слова в их произношении часто оканчиваются на нейтральный — поэтому [ə] есть результат редукции либо /æ/, либо /ɔ/. В слове *fiasco* на конце не [ə], а дифтонг; отсюда следует, что последний гласный исходной формы не может быть ни /æ/, ни /ɔ/. Этот гласный к тому же не /i/ и не /u/: исходные /i/, /u/ дали бы на концах /i:/, /u:/ (ср. *country*, *Hindu*). Что же до /e/, то оно как будто вообще не встречается в безударной позиции, так что единственный гласный, из которого произошло /ou/ в слове *fiasco* — это /o/ (исходная форма — /fiasco/, вновь, как и прежде, совпадающая с орфографической записью).

Хомский и Халле вполне отдают себе отчет в том, что в английском языке нет особой фонемы /o/ (хотя звук [o] встречается в дифтонге /ou/ и в предударных слогах слов типа *November* «ноябрь», *admonition* «упрек»). Однако они говорят, что запись в исходной форме не обязательно отражает фонетическую реальность (и тем самым — насколько я могу судить — нарушают принцип, в соответствии с которым слово должно быть «произносимым» на любом этапе порождения). Как часто происходит с наиболее важными теоретическими посылками, вопрос о допустимости расхождения между исходной формой и реальными фонемами обсуждается Хомским и Халле в сноске (эта странная практика вообще стала обычной в американской фонологической литературе). Так, в одной из сносок говорится (SPE, стр. 75, примеч. 23), что многие фонологические сущности не имеют фонетического выражения: например, внутриморфемный стык (*junction*, или, как принято его называть в трансформационной грамматике, *boundary*) сравнительно редко реализуется в виде паузы.

Как и в предыдущих случаях, порождение слов *Hindu*, *country* и особенно *fiasco* надо оценивать с точки зрения той цели, ради которой введены описанные выше процедуры. Если Хомский, и Халле хотят придумать какую-то исходную транскрипцию, которую посредством упорядоченных правил можно превратить в обычную, т. е. если они хотят зашифровать все английские слова при помощи полуусловных значков, чтобы впоследствии переписать их более привычным образом, то их методика вполне приемлема. Можно в каких-то случаях предложить более остроумный или более короткий способ переписывания. Но работа в целом не вызывает возражений (при условии, что известно, зачем и кому она может понадобиться). Но если эта перекодировка одной транскрипции в другую выдается за модель речевой деятельности, то во всем описании Хомского и Халле нельзя принять ни одного звена, ибо не доказана и не может быть доказана реальность специально скопеструированных исходных форм. Хомский и Халле фактически признают, что «исходная фонема» /o/ — всего лишь абстрактный символ, но этот символ сосуществует у них наравне с настоящими фонемами (ср. табл. SPE, стр. 176—177).

Обратимся теперь к порождению слова *eclipse* «затмение». В *eclipse* /ik'lips/ ударен последний слог. Но раньше было выведено правило, что если двусложное существительное даже кончается на тяжелую группу

(в данном случае /ips/), но с кратким гласным (т. е. если группа долгая по положению, а не по природе), то на нее никогда не падает ударение (в трехсложном существительном второй долгий слог был бы ударен в любом случае). Следовательно, по правилу, ударение в *eclipse* оказывается на первом слоге, что неверно. Чтобы преодолеть трудность («кажущуюся трудность»), Хомский и Халле предлагают записать исходную форму в виде /eklipse/. Тогда в слове окажется три слога, и ударение попадет на предпоследний (как и нужно), но впоследствии придется добавить «правило элизии», по которому конечное /e/ устраняется. Добавление /e/ к «системной транскрипции» возможно потому, что, как поясняют Хомский и Халле, на конце английских слов никогда не бывает звука [e], и, вписав /e/ в исходную форму, мы гарантированы от каких бы то ни было недоразумений. Хомский и Халле считают, что, придя к идее безударного /e/, они достигли большого успеха, ибо в системе безударных гласных /i и o/ теперь появляется партнер к /o/, хотя раньше о заполнении пустых клеток ничего не сообщалось, а в данном случае ясно, что и /o/ и /e/ — не настоящие, а лишь «системные» фонемы, и говорить об их симметрии так же странно, как о сравнительной величине мнимых чисел.

Еще сложнее, чем в *eclipse*, поставить ударение в слове *giraffe* [dʒɪræf] «жираф» (SPE, стр. 48). Даже если записать его в виде /giræfe/ (с последующим применением правила элизии), то предпоследний слог окажется легким, а по правилу ударение в подобных существительных должно падать на предпоследний слог, только если он тяжелый. Следовательно, надо сделать предпоследний слог тяжелым; для этого /f/ записывается в виде геминаты: /giræffe/ (или /gVræffe/, где /V/ — фонологически неясный элемент, нечто вроде гиперфонемы московской фонологической школы). Теперь ударение будет поставлено на второй слог от конца, после чего применяется правило элизии и правило, упрощающее геминату. Легко видеть, что во всех существенных чертах исходные формы слов *eclipse* и *giraffe* совпали с их записью в обычной орфографии.

Метод вписывания в фонологическую транскрипцию несуществующих элементов на том основании, что, раз их в данном месте никогда не бывает, их неопасно туда поставить, был придуман Е. Куриловичем еще за 20 лет до Хомского и Халле. Анализируя современные английские слова типа *city* «город», в которых фактически нет слоговой границы (она не проходит после первого гласного, но должна была бы быть где-то до второго), Курилович предлагал фонологическую транскрипцию /sitti/, чтобы разделить слоги внутри геминаты: /sit-ti/¹⁴. Он мотивировал свое решение тем, что в современном английском нет геминат. В древнеанглийском были интервокальные геминаты, поэтому слово *wine* «друк» нельзя было протранскрибировать как /win-ne/. Вывод, что в случае необходимости в транскрипцию можно безнаказанно вписывать именно то, чего нет в реальном произношении, кажется парадоксальным, но за ним стоит мысль, что фонология призвана не обнаруживать и описывать единицы звукового языка, а составлять абстрактные транскрипции, связанные с речью серией п р о и з в о л ь н ы х правил (например: сотри конечное /e/, упрости геминату и т. п.). Неудивительно, что Халле, а несколько позднее и Хомский считали своей основной задачей дискредитировать принцип одно-однозначности (*biuniqueness*, или *one-one relationship*; по-немецки *Eineindeutigkeit*). В соответствии с этим принципом, одинаковые фонологические транскрипции могут быть только у омонимов, и наоборот: омонимы всегда имеют одинаковый фонологический состав (и таким образом, одинаковую фонологи-

¹⁴ J. Kuryłowicz, *Latin and Germanic metre*, «English and Germanic studies», II, 1949.

ческую транскрипцию). Вторая часть принципа одно-однозначности в корне противоречит идее Хомского и Халле о порождении; слово *миса*, по Халле, — это фонологически /миса/, а слово *меса* — /меса/. Впоследствии при помощи определенных правил эти разные транскрипции будут переведены в одинаковые звучания. При таком взгляде на фонологию между исходной транскрипцией и транскрипцией на выходе лежит обширная область чаще всего непредсказуемых правил.

Можно было бы рассмотреть порождение слов *эконо́мия* («экономи́я» (в ней последний гласный оказывается неслогообразующим глайдом), *Не́птун* (где в последнем слоге стоит [u:], но в позиции перед единственным согласным его приходится признать кратким, чтобы потом, после постановки ударения и стирания конечного /e/, удлинить), *сипп́инг* «хитрый» (где [л] представлено в виде /u/ перед геминатой с последующим правилом делабиализации этого /u/ и упрощения геминаты) и ряд других, но они не дадут ничего принципиально нового. Во всех случаях окажется, что исходная форма содержит информацию и о синтаксической, и о фонематической структуре слова (в частности, о распределении в нем тяжелых и легких групп), что, чем проще синтаксическая структура, тем меньше она дает для постановки ударения, что правило главного ударения, выведенное на основе анализа большого количества слов, к некоторым словам неприменимо и для каждого из них приходится придумывать специальную исходную форму, почти всегда совпадающую с традиционной орфографией. На последнем пункте Хомский и Халле особенно настаивают, говоря, что орфография составлена для людей, знающих язык, и поэтому именно в ней отражена сущность, которая по правилам, известным всем говорящим, раскроется в реальное произношение.

Может быть, ничто не подчеркивает слабостей концепции Хомского и Халле так ясно, как их почтительное отношение к современной английской орфографии. Не существует доводов в пользу реальности трансформационного цикла, но можно привести неопровержимые психолингвистические соображения против него. По Хомскому и Халле, английская орфография интуитивно оправдана. Даже буква *y* в *эконо́мия* вызывает их восхищение (SPE, стр. 40): по их мнению, на конце исходной формы этого слова действительно стоит такой же глайд, как в начале слова *уэс*. Однако трудно себе представить язык, в котором орфография больше бы противоречила интуиции носителей, чем английский. Свидетельство тому — непрекращающиеся попытки ее реформировать и огромные трудности, которые приходится преодолевать школьникам, чтобы научиться писать грамотно. Даже во времена Кэкстона (Сахтон 1422 [?] — 1491, английский первопечатник) английская орфография была в значительной мере традиционной. Что же касается последней буквы в *эконо́мия*, то, как известно, она всегда передавала звук [i], а *y* вместо *i* было введено романскими писцами для красоты (хотя, конечно, замена *i* на *y* была возможна потому, что глайд никогда не встречался на конце и повода для недоразумения не появилось, т. е., видоизменяя внешний образ слова, романские писцы рассуждали или интуитивно поступали так, как впоследствии Курилович, Хомский и Халле). Замечу еще, что всюду, где это им требуется, Хомский и Халле без колебаний нарушают фонетическую интуицию. Так, например, «фонологическим слогом» признается лишь комплекс, содержащий гласный, поэтому в исходной форме слова *пла́зма* оказывается один слог (SPE, стр. 34, примеч. 24; ср. стр. 85—86). Аналогично говорится об ударном слоге *-до́ху* в *ортодо́ху* «ортодоксия», ибо *y* передает исходный глайд (SPE, стр. 41, но на стр. 134 *-до́ху* называется просто цепочкой). В слове *инду́стрия* «промышленность» сначала обнаруживается три слога, потом их становится два, а затем снова три (SPE, стр. 40). Суффикс

-ion (в *prohibition* «запрет» и т. п.) «удобней» представить как двугласный (ср. орфографию!) и двусложный (SPE, стр. 87, 182), и т. д.

Выше несколько раз говорилось о том, что Хомский и Халле вывели правило ударения в двусложных или в трехсложных существительных, в сложных словах, в глаголах и пр. Основная практическая цель их просодики — доказать, что английское ударение целиком зависит от синтаксической структуры слова, количества слогов и распределения в нем легких и тяжелых групп. Результаты их усилий обобщены в формуле главного ударения (SPE, стр. 35, № 48; стр. 109—110, № 104; стр. 240, № 15); впоследствии она дополняется формулой второстепенного ударения (SPE, стр. 114, № 107). Вопреки постоянным утверждениям авторов, обе формулы в высшей степени сложны, но Хомский и Халле добиваются того, чтобы все слова, кроме нескольких исключений, имели исходные формы, однозначно свидетельствующие о месте их ударения. Если к таким записям, как [сущ. *pol*][сл. *is*]_{сущ.} (*police* «полиция»), большая буква обозначает долгий гласный), [сущ. [гл. *torment*]]_{гл.}[сущ.], [сущ. *giraffe*]_{сущ.}, [сущ. *per-tune*]_{сущ.} и т. п., применить формулу, то ударение будет поставлено верно. Но не следует забывать, какой ценой получены исходные формы. В некоторых из них, как, например, в *police* или *blackboard*, факторы, определяющие «системную запись», действительно независимы от ударения (последний гласный в *police* долгий, а *blackboard* — сложное существительное определенной структуры; эти обстоятельства выясняются без всякой связи с акцентным контуром слов). Но исходная форма слов *giraffe*, *Neptune* и пр. непредсказуема: она именно для того и сочинена, чтобы можно было поставить правильное ударение.

Разберем элементарный пример. В польском языке ударение всегда падает на второй слог от конца. Поскольку сосчитать слоги можно, ничего не зная об ударении, его иррелевантность очевидна. Но, встретив английские слова *segment*, *eclipse* или *giraffe*, мы вынуждены сначала поставить в них ударение, потом сверить с формулой и, убедившись, что она для них не подходит, придать им на бумаге такой вид, чтобы и они стали ей соответствовать. Обобщения Хомского и Халле отражают бесспорный факт, что в огромном количестве английских слов ударение действительно подчиняется некоторым закономерностям. Но столь же бесспорно и то, что многочисленные слова нарушают эти закономерности. Формулы, якобы всегда п р е д с к а з ы в а ю щ и е место главного ударения в современном английском языке, — это самообман, равный которому трудно найти во всей истории английской фонологии.

Знакомство с основными принципами фонологического порождения позволит нам оцепить и ту часть теории, которая непосредственно связана с фонематикой. В своей книге Хомский и Халле более подробно разработали порождение гласных, но их материала совершенно достаточно для того, чтобы понять и оценить метод в целом.

В английском языке легко выделить чередования гласных, как в словах *divine* «божественный» ~ *divinity* «божество», *serene* «спокойный» ~ *serenity* «спокойствие», *profane* «богохульный» → *profanity* «богохульство» (в записи Хомского и Халле: *āy* → *i*, *īy* → *e*, *ēy* → *æ*), или как в словах *various* «разнообразный» ~ *variety* «разнообразие», *algebra* «алгебра» ~ *algebraic* «алгебраический», *funeral* «похороны» ~ *funereal* «похоронный» (т. е. *i* → *āy*, *e* → *īy*, *æ* → *ēy*). Следует заметить, что к своим транскрипциям Хомский и Халле не дают никаких пояснений. С самого начала известно, что гласные слов *divine*, *serene*, *profane* — это именно [āy], [īy], [ēy], т. е. сочетания долгих гласных с передним глайдом. Второй ряд чередований тоже представлен либо с сомнительными комментариями, либо совсем без них. Так, *algebra* дано с конечным системным /æ/ (SPE, стр. 166—167) потому,

что с переднеязычным дифтонгом в *algebraic* может чередоваться лишь передний монофтонг (это /æ/ потом подвергается правилу редукции, как любой открытый гласный), но подобное соображение неубедительно, ибо основной тезис порождающей фонологии состоит в том, что инвариантность морфемы может нарушаться до любых пределов¹⁵. Еще менее понятно, как установлен «системно-фонологический» статус первого безударного гласного в слове *funeral*. В аналогичных случаях гласные иногда зашифрованы под архифонемы: ср. *gVraffe*, *kVress*, *hVræss* (*giraffe*, *caress*, *harass*), где V — просто символ неопределенного гласного (SPE, стр. 46, 48, 150 и т. д.). Но, как и выше, заинтересованные в критике порождающей фонологии изнутри, мы примем исходный тезис Хомского и Халле, что в английском действительно есть два ряда встречаемых чередований:

$\bar{a}y \rightarrow i$	$i \rightarrow \bar{a}y$
$\bar{i}y \rightarrow e$	$e \rightarrow \bar{i}y$
$\bar{e}y \rightarrow \varepsilon$	$\varepsilon \rightarrow \bar{e}y$

Об этих двух рядах говорится (SPE, стр. 180), что они чрезвычайно сложны, что в них отсутствует элемент обобщения и что грамматика не может иметь двух таких правил одновременно. Хомский и Халле нигде не поясняют, как, посмотрев на правило, решить, сложно оно или просто, но согласимся и с этим их заключением. «Хорошо известно, — утверждают Хомский и Халле, — что английские напряженные гласные дифтонгизуются, т. е. имеют конечные глайды» (SPE, стр. 183). Этот факт и отражен в их транскрипции: ср. $\bar{a}y$, $\bar{i}y$, $\bar{e}y$. Следовательно, в английском оказываются краткие гласные *i*, *e*, ε и долгие $\bar{i}$, $\bar{e}$, $\bar{a}$. Так как после долгих глайд обязателен, то незачем включать его в исходную транскрипцию: достаточно сформулировать правило, по которому долгие приобретают глайд (так называемое правило дифтонгизации). При наличии двух рядов — *i*, ε и $\bar{i}$, $\bar{e}$, $\bar{a}$ — легко связать их чередованием: $i \rightarrow \bar{i}$, $e \rightarrow \bar{e}$, $\varepsilon \rightarrow \bar{a}$ ($\bar{a}$ временно принимается за $\bar{a}$ с последующим добавлением соответствующего правила). Итак, получаем: $i \rightarrow \bar{i}(y)$, $e \rightarrow \bar{e}(y)$, $\varepsilon \rightarrow \bar{a}(y)$ (в скобки я поместил глайд, появившийся лишь по правилу дифтонгизации). Но на самом деле чередуются не $i \rightarrow \bar{i}(y)$, а $i \rightarrow \bar{a}(y)$, не $e \rightarrow \bar{e}(y)$, а $e \rightarrow \bar{i}(y)$, не $\varepsilon \rightarrow \bar{a}(y)$, а $\varepsilon \rightarrow \bar{e}(y)$ (см. схему, приведенную выше), поэтому необходимо дополнительное правило, превращающее $\bar{i}$ в $\bar{a}$ (или в $\bar{a}$ и потом в $\bar{a}$), $\bar{e}$ в $\bar{i}$ и $\bar{a}$ в $\bar{e}$. Это правило вводится под названием правила сдвига гласных. Таким образом, гласные слов *divine*, *serene*, *profane* оказываются «порожденными» из $\bar{i}$, $\bar{e}$, $\bar{a}$ при помощи двух правил, а орфография, как всегда, служит почти идеальным образцом исходных форм, ибо эти гласные и пишутся через *i*, *e*, *a*.

Аналогичным образом, дифтонги в словах *loud* «громкий», *pool* «пруд», *goal* «цель» возводятся к $\bar{u}$, $\bar{o}$, $\bar{e}$ (SPE, стр. 186). Насколько я могу судить, процессы с задними гласными далеко не так просты, как с передними. Если полностью принять способ рассуждения и транскрипцию Хомского и Халле, то в английском существуют чередования: $\bar{e}w \rightarrow u$ (*south* «юг» ~ *southern* «южный»); в произношении Хомского и Халле британское литературное [au] передано как $\bar{e}w$, а [ʌ] всегда возводится к *u* с добавлением правила делабиализации), $\bar{u}(w) \rightarrow o$ (*school* «школа» ~ *scholar* «ученый») и $\bar{o}(w) \rightarrow o$ (*holy* «святой» → *holiday* «праздник»). Однако Хомский и Хал-

¹⁵ Хомский и Халле нередко забывают об этом принципе, и тогда мы встречаем высказывания вроде того, что в *torrent* фонема /e/, потому что есть слово *to'trential* (SPE, стр. 37, примеч. 27). Добавлю еще, что если *algebra*, по крайней мере, связано с *algebraic*, то слово *Canada* совершенно изолировано, однако и в нем обнаружено конечное /æ/, а не /ɔ/, хотя в рамках построений Хомского и Халле и /æ/, и /ɔ/ в одинаковой степени редуцируются в [ə].

ле записывают слова типа *scholar* с /o/, потому что, видимо, не могут допустить, чтобы два разных долгих чередовались с одним и тем же кратким. Получаются ряды: $\bar{x}(w) \rightarrow u$, $\bar{u}(w) \rightarrow o$, $\bar{o}(w) \rightarrow \varepsilon$. «Системное о», которое в словах типа *fiasco* было мифом с самого начала, теперь насильственно вписывается в исходные формы, чтобы чередования получились симметричными. Поскольку Хомскому и Халле надо непременно получить $\bar{o}(w) \rightarrow \varepsilon$ (вместо $\bar{o}(u) \rightarrow \varepsilon$) и $\bar{o}(w) \rightarrow o$ (вместо $\bar{u}(w) \rightarrow \varepsilon$), то правило сдвига приобретает здесь вид $\bar{o} \rightarrow \bar{o}$, $\bar{o} \rightarrow \bar{u}$. Что касается $\bar{x}(w)$, то он имеет переднее ядро и задний глайд, а по правилу дифтонгизации, о котором говорилось выше, передние ядра получают передний глайд, задний же глайд [w] возникает лишь после задних; следовательно, чтобы оправдать задний глайд в *south*, приходится признавать наличие исходного заднего долгого. Этим гласным, естественно, названо $\bar{u}$ (пара к *u*). По правилу дифтонгизации оно принимает вид $\bar{u}w$. На следующем шаге его нельзя сразу превратить в $\bar{a}w$, поскольку сдвиг не превращает передних гласных в задние, а задних — в передние, и самое большее, что можно здесь ожидать, — это перехода $\bar{u}w \rightarrow \bar{a}w$. Далее отмечается, что и среди передних гласных $\bar{i}(y)$ перешло не в $\bar{a}(y)$, а в $\bar{x}(y)$, и потом пришлось специальным правилом превращать переднее $\bar{x}$ в заднее $\bar{a}$. Изменения $\bar{x}(y) \rightarrow \bar{a}(y)$ и $\bar{o}(w) \rightarrow \bar{x}(w)$ параллельны в том смысле, что в обоих случаях произошла диссимилиация ядра глайду, и для этих дифтонгов вводится правило диссимилиации. Даже говорится (SPE, стр. 191), что истинный дифтонг — это тот, в котором такая диссимилиация произошла.

Легко видеть, как произвольны и вычурны манипуляции с задними гласными, но общий ход мысли совершенно ясен: английские дифтонги на [-i], [-u] (так называемые closing diphthongs) порождаются в процессе речи из долгих монофтонгов по правилам дифтонгизации и сдвига; они, естественно, монофонемны, потому что образованы из монофонемных $\bar{i}$, $\bar{e}$, $\bar{x}$, $\bar{u}$, $\bar{o}$, $\bar{a}$. О дифтонгах на [-ə] (centering diphthongs) в книге ничего не говорится. Очевидно, они признаны бифонемными.

Обратимся к рассуждениям относительно дифтонга /ɔɪ/. Это — «истинный дифтонг», поскольку у него заднее ядро и передний глайд. Вся схема, по мнению Хомского и Халле, будет более стройной, если окажется, что и он, подобно другим дифтонгам, есть результат порождения из какого-то монофтонга (SPE, стр. 191—192). Этот монофтонг должен быть, естественно, долгим и передним (иначе не было бы переднего глайда). Поскольку ядро дифтонга $\bar{a}y$ — долгий, задний, открытый звук, а мы ищем долгий и передний, то желательно, чтобы искомый гласный тоже был открытым. Сочетание долготы, переднеязычности и открытости дает $\bar{e}$; оно и признается исходной «системной фонемой» для $\bar{a}y$: $\bar{e} \rightarrow \bar{e}y$ (дифтонгизация), $\bar{e} \rightarrow y$ (диссимилиация, как в $\bar{a}y$ и $\bar{x}w$, но перескакивая стадию сдвига).

Очевидно, что фактически Хомский и Халле занимаются внутренней реконструкцией: сведение $\bar{a}y$, $\bar{e}y$, $\bar{i}y$ к $\bar{i}$, $\bar{a}$, $\bar{e}$ — это не более, чем попытка восстановить историю дифтонгов, но представить ее как происходящий в речевой деятельности синхронический процесс; в отдельных случаях внутренняя реконструкция невозможна, и все сказанное о «системном /o/», например, не внушает доверия. Разумеется, у нас нет никаких оснований верить Хомскому и Халле, будто *divine* или *pool* зафиксированы в современном сознании как *divin* или *pōl*: эти формы так же маловероятны, как /giraffe/ и /eklipse/. Для дифтонга $\bar{a}y$ внутренняя реконструкция вообще работает вхолостую, так как он не восходит ни к какому долгому гласному, и в этом случае фантастичность модели Хомского и Халле особенно наглядна: как можно поверить, что *boy*, *toy* и т. п. где-то зашифрованы в виде $b\bar{e}$, $t\bar{e}$, если ничего похожего на само-

стоятельную фонему /ce/ в английском языке нет уже много веков? Столь же фантастично порождение *jū* (в *ambiguity* «двусмысленность»). В угоду найденным ранее правилам предлагается пятиступенчатая схема, где на втором шаге образуется гласный [y] (SPE, стр. 195). В словах типа *menu* «меню» (где тоже есть *jū*, как и в *ambiguity*) в исходную форму вписывается /e/ и засчитывается за слог, потом /ue/ стягивается в легкую группу и переделывается в глайд /v/, о котором известно лишь, что он закрытый (SPE, стр. 195—200) и присутствует еще на конце слов типа *tolerance* «терпимость» (SPE, стр. 161). По мере описания правила сдвига, когда приходится разбирать «исключения», исходные формы делаются все более и более невероятными и все яснее становится, что перед нами сложная перекодировка одной транскрипции в другую, а не порождение речевого потока.

Цель Хомского и Халле — записать все слова английского языка в их исходных формах. Как мы видели, уже начав свой анализ, они располагали разнообразнейшими фонологическими сведениями: умели отличать долгие гласные от кратких, могли составить систему фонем своего диалекта, знали набор различительных признаков, легко транскрибировали слова (т. е. членили речевой поток, опознавали фонемы в разных контекстах) и т. д. Все эти задачи решает, по их мнению, универсальная фонетика (SPE, стр. 293—329), которая еще до начала их работы сделала все то, ради чего, в сущности, была изобретена фонология. Однако именно фонология показала, что звуковая система — это фильтр, преобразующий звуки речи, что нет и не может быть фонетики, отдельной и независимой от фонологии. Хомский утверждает, что фонология не пужна и что понятие фонемы — глубокое заблуждение. Он считает, что есть уровень словарной записи, уровень исходных форм и узкая транскрипция. Между исходными формами и узкой транскрипцией существует неопределенное количество безымянных уровней, из которых ни один не является фонологическим (отсюда порочность традиционной, «автономной», или «таксономической» фонологии). Но исходные формы (по какому-то недоразумению часто именуемые фонеморфологическими) можно придумывать лишь потому, что всю черную работу успела сделать универсальная фонетика¹⁶. Да и узкая транскрипция — самообман. В ней не могут быть зафиксированы бесконечные свойства физического звука, поэтому Хомский и Халле настаивают, что в ней отражен не речевой сигнал как таковой, а лишь то, что говорящий знает о своем языке (SPE, стр. 293). Но у нас нет способов зафиксировать это знание, и каждый волен толковать его по-своему.

В последнее время Хомский часто повторяет, что трансформационная грамматика знаменует возврат к традиционным методам исследования. Действительно, в описании звукового строя языка он отказался от фонологии — самого блестящего завоевания новейшей лингвистики — и вернулся к фонетике эпохи Брюкке и раннего Зиверса. Правда, в теории Хомского, Халле, Постала есть обширные разделы, посвященные различительным признакам, дополнительной дистрибуции, внутреннему содержанию фонем (маркировке), архифонемам и т. д. В этой теории, непременно выдаваемой за последнее слово науки, угадано многое из того, что давно вывели Бодуэн, москвичи и пражцы, а кое-что написано только для ниспровержения противников. В книге Хомского и Халле есть и богатый материал, и понимание ценности просодики и морфофонологии, и ряд других вещей, которые сами по себе могли бы быть интересны и полезны. Но главное для

¹⁶ Ср.: J. V a c h e k, On some basic principles of «classical» phonology, «Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung», 17, 5, 1964, стр. 410.

них — идея порождения акцентного контура и самих звуков по правилам, и именно это главное представляет собой Вавилонскую башню, рассыпающуюся на наших глазах.

Думается, что сама идея порождения речевого потока (и просодики, и фонематики) плодотворна. Но порождающая фонология — это не перекодировка транскрипций, а теория, объясняющая, как недискретный ряд звуков превращается в ряд дискретных фонем. В рамках такой теории найдется место и главе о порядке действий, и главам о различительных признаках и маркировке. Лишь одного там не будет: универсальной фонетики, существующей до и отдельно от фонологии. Что же касается правил Хомского и Халле, некоторые из них, возможно, сохранятся, но займут в фонологии то скромное место, которое занимают прикладные устройства в любой науке.
